

ГЛАВА 1

Послеполуденное июльское солнце нещадно палило, словно вознамерилось убедить горожан, насколько они не правы, оставаясь в каменных джунглях, вместо того чтобы наслаждаться отдыхом на берегу какого-нибудь прохладного водоема. Я мысленно проклонила себя за то, что отказалась от предложения моей подруги Ленки-француженки махнуть с ней на десять дней на турбазу. С Леной, или Леной-француженкой, как я ее называю, мы дружим с незапамятных времен. Лена преподает французский язык в самой обычной средней школе и, несмотря на сопутствующие трудности и невысокую заработную плату, свою работу любит и менять не собирается. Я обычно с удовольствием провожу время в компании подруги, но вот ее поразительное умение выбирать абсолютно неподходящих мужчин меня порой всерьез утомляет. И ведь чем менее годится очередной кавалер для потенциальных серьезных отношений,

тем большие дифирамбы расточает ему моя неугомонная подруга.

Вот и теперь она заявила, что собирается провести часть отпуска с необыкновенным, если верить ее заверениям, самым брутальным, умеющим решать любые проблемы, и при этом самым романтичным и вообще самым-самым во всех смыслах мужчиной. Уже одно это описание заставило меня насторожиться. Ведь каждый раз после непродолжительного общения с очередным «самым-самым» зареванная Ленка мчалась ко мне и очень долго и обстоятельно объясняла, почему нельзя верить мужчинам, перемежая свой рассказ всхлипываниями, пока я на своей небольшой кухне отпаивала ее кофе с коньяком.

Я робко попыталась напомнить Елене, что и все ее предыдущие поклонники тоже казались ей «самыми-самыми» со знаком плюс, но была остановлена потоком заверений, что предыдущие нынешнему и в подметки не годятся. Что ж, будем надеяться... Однако когда Ленка сообщила, что и для меня нашла кавалера, приятеля того самого идеала, я лишь крепко зажмурилась и скрипнула зубами. Ну вот, начинается... Пришлось пустить в ход тяжелую артиллерию, сославшись на намечающееся расследование. Ленка тотчас же уверила, что не собирается меня отвлекать — ра-

бота есть работа, ничего не поделаешь. После чего искренне посочувствовала, что мне придется торчать в городе в такую жару. Я даже испытала легкий укол совести, ведь подруга простосердечно переживала, что мне предстоит испытывать дискомфорт по меньшей мере несколько недель, пока летнее пекло не пойдет на убыль. К тому же никакого расследования я сейчас не вела и чувствовала себя жуткой дрянью, поскольку обманывала свою простодушную подругу.

И кто бы мог подумать, что уже нынешним утром я пожалею, что отказалась от Леникиного предложения познакомиться с очередным эталоном настоящего мужчины. Ведь именно сегодня у меня как никогда вовремя сломался кондиционер. Лучшего времени для такого поступка со стороны охлаждающей техники и представить нельзя. Термометр сообщал, что температура за окном уже с утра перевалила за тридцатиградусную отметку, на небе ни облачка. В квартире, несмотря на распахнутые окна, стояла почти нестерпимая духота. Настойчиво отгоняя наводящие ужас мысли о том, какой же климат установится в моем жилище во второй половине дня, я принялась лихорадочно изучать сайты, имеющие хоть какое-то отношение к ремонту кондиционеров. Каждый раз, найдя подходящее объявление, я воодушевленно набирала ука-

занный номер телефона. Однако вежливый голос сообщал, что принять мой заказ смогут лишь ближе к концу недели, а это автоматически означало, что жить в режиме фауны африканской пустыни мне придется как минимум три-четыре дня. Когда-то я читала, что обитающие в пустыне мелкие грызуны способны впадать в спячку аж на девять месяцев, чтобы пережить атаку смертоносного центральноафриканского зноя. Однако хотя я и обладаю некоторыми неординарными способностями, отличающими меня от среднестатистического обывателя, искусством впадать в длительный анабиоз мне все еще не удалось овладеть.

Наконец я наткнулась на сайт монтажно-сервисной фирмы, где мне пообещали срочный ремонт к концу следующего дня. Принимая во внимание, что слово «срочный» следует расценивать не в том контексте, на который я рассчитывала, мне пришлось со вздохом согласиться. Кто бы мог подумать, что эта услуга именно сейчас окажется настолько востребованной. Словно кондиционеры всего города сговорились дружно сломаться.

Я поплелась на кухню и налила себе стакан холодной воды. По утрам мне нужен кофе. Впрочем, чашка этого напитка мне требуется каждые три-четыре часа, но именно ■ утренний кофе запускает мои мыслительные

и прочие жизненно важные процессы. Однако едва взяв в руки кофеварку, я тотчас же с отвращением взглянула на плиту и решительно убрала емкость для приготовления кофе обратно в шкафчик. Одна лишь мысль о том, что мне придется зажигать газ и накалять и без того невыносимую температуру на кухне заставила меня содрогнуться. Нет, никаких кухонных работ, пока не установится более или менее сносный климат.

Ретировавшись из кухни, я наскоро приняла душ и натянула легкий сарафан на узеньких бретелях из тонкого светло-бежевого хлопка, подол которого заканчивался примерно на ладонь выше колена. Не экстремально короткая юбка, но при этом вполне позволяющая оценить красоту моих стройных ног.

Подойдя к зеркалу, я собрала свои длинные светлые волосы в высокий узел на затылке. Эта прическа, которую я мысленно отнесла к разряду пляжных, в такую жару была куда уместнее распушенных по плечам волос. Прихватив сумочку, я с удовольствием оглядела себя в зеркале и вышла из квартиры.

Мой путь лежал в кафе, расположенное примерно в квартале от моего дома. Мне уже не раз случалось наведываться туда во время ланча, а заодно и заказывать пиццу или роллы навынос. К тому же там подавали превос-

ходный кофе. Не растворимую бурду, как во многих заведениях общественного питания, а крепкий, ароматный, приготовленный из свежемолотых зерен.

Я уже подходила к знакомому одноэтажному павильону, предвкушая, как окунусь в прохладный полумрак просторного зала, как в моей сумочке завибрировал телефон. Неужели Ленка вновь вознамерилась уговорить меня провести время в компании самых brutальных мужчин? Но ведь к этому сомнительному удовольствию прилагается возможность провести несколько дней в загородной идиллии. В конце концов, шанс сбежать из задыхающегося в перегретой выхлопной гари областного центра перевесил эти разумные опасения, поэтому извлекая из сумочки телефон, я была настроена дать подруге положительный ответ.

К моему удивлению, номер на экране оказался незнакомым.

— Татьяна Александровна? — высокий женский голос звучал требовательно и взволнованно одновременно.

— Слушаю вас, — автоматически ответила я, хотя в данный момент меньше всего жаждала общения с кем бы то ни было. Пределом моих мечтаний было обосноваться в прохладе оборудованного кондиционерами зала и заказать чего-нибудь прохладительно-

го. А уже после насладиться наконец чашечкой кофе. А потом еще одной.

— Мне вас рекомендовали как...

Мне не было особой нужды вникать, как именно рекомендовали меня этой нервной особе. В таких случаях я, как правило, выслушиваю стандартный набор комплиментов: лучший частный детектив, который помог, распутал безнадежное дело, безошибочно вычислил преступника и тому подобные дифирамбы. Не сказать, что это неприятно, но слишком уж предсказуемо. Однако на этот раз поток хвалебных отзывов прекратился на удивление быстро, после чего последовал вопрос:

— Когда мы можем встретиться?

Ого, вот это напор! А почему моя собеседница так уверена, что я готова с ней встретиться? Одно из моих непреложных правил — никогда не вести более одного расследования одновременно. Похоже, дама и мысли не допускала, что я могу быть занята чем-то другим. Впрочем, не так уж она и ошибается. Мое последнее расследование завершилось дней десять назад, и честно говоря, я отнюдь не жаждала возобновлять деловую активность, пока температура окружающей среды не снизится до приемлемых значений. Между тем я уже успела дойти до вожделенного пункта назначения, то есть уже открывала дверь в кафе, проигнорировав расположенные воз-

ле здания столики под разноцветными тентами. Посему я, недолго думая, ответила:

— Если вас устроит, можем встретиться прямо сейчас.

Едва я сообщила название кафе, как тревога в голосе моей собеседницы сменилась воодушевлением.

— Да-да, я знаю, где это! — заверила она меня, словно я только и делала, что высказывала опасения, как бы моя потенциальная клиентка не заблудилась. — Буду через четверть часа.

Очутившись в просторном затененном зале, я с удовлетворением отметила, что мои ожидания оправдались. Прохлада, мягкий приглушенный свет, едва слышная меланхолическая расслабляющая мелодия, а главное — почти полное отсутствие посетителей, если не считать юной парочки за столиком и задумчивого пожилого джентльмена у входа, погруженного в чтение какой-то брошюры.

В дополнение к эспрессо я заказала ананасовый сок со льдом и двойную порцию фисташкового мороженого. Десерт мне принесли незамедлительно, и я принялась с удовольствием поглощать ледяное лакомство, ожидая кофе, а заодно и жаждавшую пообщаться со мной даму. Только тут я сообразила, что не имею понятия не только о предмете предстоящей беседы, но даже о том, как зовут воз-

можную клиентку. Эта нервозная особа была настолько лаконична в своих высказываниях, что не сочла нужным даже просто представиться. Я же на этот раз почему-то упустила это обстоятельство из виду, хотя обычно начинаю разговор с уточнения, с кем именно говорю. Жара подействовала, не иначе...

Ровно через четверть часа дверь кафе распахнулась, и в зал влетела молодая женщина лет тридцати. Быстро поведя головой из стороны в сторону, она устремилась прямоком к моему столику. Что ж, если это и есть моя недавняя собеседница, то она на редкость пунктуальна, что уже неплохо.

— Татьяна Александровна? — полуутвердительно осведомилась дама, остановившись подле меня и с трудом переводя дыхание.

Я кивнула, и она опустилась на стул напротив.

— Извините, я забыла представиться, — с ходу затараторила моя собеседница. — Меня зовут Ковалькова Елизавета Валерьевна. Можно просто Лиза.

— Очень приятно, — я сдержанно кивнула. Пока Елизавета говорила, я несколько секунд с интересом к ней присматривалась. Елизавету Ковалькову можно было бы назвать весьма привлекательной молодой женщиной, если бы не странная худоба, которую так нескстати подчеркивал сильно открытый брюч-

ный комбинезон из тончайшей темно-синей вискозы. Верхняя его часть выставляла напоказ тонкие бледные руки и угловатые плечи.

— Минеральной воды без газа, — потребовала Ковалькова у подлетевшего к столику официанта. — Если можно, из холодильника.

— Как вы здесь выносите это пекло? — на этот раз Елизавета Валерьевна обратилась непосредственно ко мне. — Я уже забыла, какая жара бывает в Тарасове.

Я удивленно подняла брови.

— Вы живете не в Тарасове?

Ковалькова сделала большой глоток из запотевшего стакана.

— Я родилась и выросла в Тарасове, но несколько лет назад перебралась в Москву, — пояснила она. — Приехала несколько дней назад на похороны сестры.

Елизавета отодвинула стакан и нахмурилась, прикусив нижнюю губу. Я предположила, что именно смерть сестры и побудила Ковалькову обратиться к частному детективу. Однако торопить свою собеседницу, задавая уточняющие вопросы, я не стала. Было очевидно, что Ковальковой необходимо собраться с мыслями, и я решила ей не мешать.

— Мою сестру зовут... звали Камилла. Камилла Шальновская. Это важно, — внезапно добавила Елизавета Валерьевна, многозначительно посмотрев мне в глаза.

Я кивнула, мысленно недоумеваю, какое значение в предполагаемом расследовании может иметь имя погибшей родственницы клиентки.

— Мы с Камиллой не родные по крови, — продолжала моя собеседница. — Она была моей сводной сестрой. Но мы с Камиллой всегда были дружны, очень хорошо понимали друг друга...

Голос Елизаветы сорвался, и она торопливо сделала несколько глотков.

— Что случилось с вашей сестрой? — осторожно уточнила я, поскольку Ковалькова вновь замолчала, часто заморгав и пытаясь сдержать подступившие к глазам слезы.

— Она разбилась насмерть, — тихо ответила Елизавета, опустив голову. — Выпала из окна своей квартиры на семнадцатом этаже.

— Несчастный случай? — спросила я.

Елизавета быстро глянула на меня и невольно усмехнулась.

— Следствие именно так и решило, — задумчиво произнесла она. — Все указывает на то, что это был несчастный случай, оснований для открытия уголовного дела нет.

— А что именно указывало на несчастный случай? — поинтересовалась я.

Ковалькова, немного поколебавшись, решительно тряхнула головой.

— Хорошо, — она, видимо, взяла себя в руки. — Я лучше расскажу вам все с самого начала. Тогда вы поймете, что мою сестру убили.

Я послушно кивнула и приготовилась слушать.

— Как я уже сказала, мы с Камиллой были сводными сестрами, — начала Ковалькова. — После смерти моей мамы отец вскоре познакомился с матерью Камиллы. Они влюбились друг в друга с первого взгляда, буквально жить не могли друг без друга, хотя оба были бедны как церковные мыши. Мой отец как-то глупо растратил все деньги, даже нашу единственную квартиру спустил за долги, мы с ним какое-то время таскались по съемным углам. Камилла с матерью жили тогда в комнате в коммуналке. Потом и мы с отцом туда перебрались.

— Как же вы жили вчетвером в одной комнате в коммуналке?! — изумленно спросила я.

— Замечательно жили! — воодушевленно отозвалась Елизавета. — Очень дружно и весело. Представьте, так бывает.

Я, будучи законченным интровертом, подобной идиллии представить себе не могла, но спорить не стала.

— Мой отец и мать Камиллы были замечательными людьми, веселыми, общительны-

ми, легкими на подъем. К нам очень хорошо относились, хотя мы были уже взрослыми. Камилла была младше меня на пять лет, но мы с ней стали лучшими подругами. Во всем друг друга поддерживали, делились секретами и все такое.

Ковалькова прервала свой рассказ, отпив еще немного воды.

— Вы сказали, что ваши родители были замечательными людьми, — осторожно спросила я. — Их что, больше нет?

Ковалькова, вздохнув, кивнула.

— Погибли в автокатастрофе, — коротко пояснила она. — Умерли сразу, мгновенно. Так мне сказала Камилла, когда позвонила, чтобы сообщить об их смерти. Я ведь к тому времени уже перебралась в Москву, открыла свой бизнес, ногтевую студию.

Я невольно задержала взгляд на пальцах моей собеседницы. Длинные ногти с затейливым маникюром непроизвольно притягивали взгляд. Елизавета улыбнулась.

— Работа моих мастериц, — пояснила она. — Теперь мне нет нужды самой себе полировать ногти. Только не думайте, что раскрутить успешный бизнес в Москве так уж легко. Мне многое пришлось преодолеть, вы даже не представляете...

Меня отнюдь не прельщала перспектива слушать длинный рассказ о жизненных пере-

петиях успешной бизнес-леди, поэтому я дружески улыбнулась и многозначительно произнесла:

— Понимаю.

Моя реакция удовлетворила Ковалькову, и она продолжила рассказ о своей сводной сестре:

— После смерти родителей Камилла осталась одна, так и жила в нашей комнатухе в коммуналке. Все бы ничего, но вот соседи... Сплошные алкаши и дебоширы. Камилла жаловалась, что один из них буквально прохода ей не давал. Однажды вломился в ванную, когда она принимала душ. Представляете, что девчонка пережила? Еле отбилась от этого придурка и спряталась у себя в комнате. Использовала любую возможность, чтобы как можно меньше бывать в этом аду, часто оставалась ночевать у подруг, а то и вовсе у себя в парикмахерской, в служебном помещении.

— В парикмахерской? — переспросила я. Мне было искренне жаль девушку, которой приходилось жить в таких жутких условиях. Ковалькова кивнула.

— Камилла освоила профессию мужского стилиста, устроилась на работу в барбершоп.

Елизавета ненадолго умолкла, страдальчески нахмурившись. Я заподозрила, что подобная негативная реакция напрямую связана с упоминанием о работе Камиллы.

Вскоре я убедилась, что интуиция меня не подвела.

— Мне с самого начала не нравилась вся эта затея, — заявила Ковалькова, резко вздернув подбородок.

— Затее освоить профессию парикмахера? — удивилась я. Ковалькова окинула меня каким-то странным взглядом, словно сомневаясь, стоит ли продолжать.

— Елизавета Валерьевна, — холодно произнесла я, — если вы хотите, чтобы я вам помогла, вам не следует скрывать от меня любую информацию, которая имеет хоть какое-то отношение к расследованию. Если вы по каким-то причинам не можете или не хотите придерживаться данного пункта, вам лучше поискать другого частного детектива.

— Да-да, я все понимаю, — торопливо отозвалась Ковалькова. — Просто это так неприятно... Я словно очерняю память сестры.

Я насторожилась, последнее заявление Елизаветы всерьез меня заинтриговало.

— Как я уже сказала, Камилла жила в ужасных условиях. В коммунальной квартире и так быт не сахар, да еще такие соседи... В общем, Камилла мечтала оттуда съехать, но как? Платили в парикмахерской ей немного, особенно до того как она нашла работу в барбершопе, раньше она работала в обычной женской парикмахерской. Там вообще были ■

гроши. Квартиру она снять не могла, ей бы тогда не на что было жить. О покупке собственной квартиры и вовсе оставалось только мечтать. Вот Камилла и придумала план — познакомиться с обеспеченным мужчиной и переехать жить к нему. А в идеале — выйти за него замуж. Так все и случилось...

— Случилось — что? — уточнила я, поскольку моя собеседница вновь впала в тревожное молчание.

— План Камиллы сработал — вскоре она познакомилась с Сергеем и почти сразу переехала к нему жить. А через несколько месяцев они поженились, я на свадьбу приезжала, финансово помогла, сестра все-таки.

— А кто такой этот Сергей? — поинтересовалась я, поскольку других подробностей об избраннике своей сестры Ковалькова не сообщила. Елизавета раздраженно пожала плечами.

— Обычный парень, работал в автосервисе. Мне он поначалу показался неплохим. Правда, зарабатывал немного. Но! — Ковалькова многозначительно подняла указательный палец. — У него была собственная квартира, однушка в высотке возле нового моста.

Я хорошо знала этот довольно престижный район Тарасова. Странно, Ковалькова упомянула о скромных заработках супруга

Камиллы, а ведь цены на квартиры в этой части города доступными не назовешь.

— Бабушка оставила наследство единственному внуку, — пояснила Елизавета, видимо, заметив мое замешательство. — Камилла столько раз хвасталась, что успела увести из-под носа у конкуренток выгодного женишка.

Ковалькова недовольно поморщилась:

— Я говорила Камилле, что выходить замуж только ради жилплощади далеко не лучший вариант. Но она уверяла, что Сергей ей сразу очень понравился, иначе она не стала бы с ним встречаться даже из-за квартиры. Сергей красиво ухаживал, хоть и был небогат, но на Камиллу денег не жалел. Рестораны, подарки... Влюбился без памяти, я это сразу заметила, когда приехала в Тарасов перед свадьбой. Он так на нее смотрел...

Елизавета опустила взгляд и тяжело вздохнула.

— И что же произошло? — спросила я.

— Идиллия продолжалась около года, — произнесла Елизавета бесцветным голосом, не глядя на меня, — а потом их отношения стали портиться. Начались придирки, взаимные упреки. К тому же Сергей не был, что называется, примерным супругом. Он начал изменять Камилле, однажды она застала его дома с какой-то девицей. Конечно, Камил-

ла закатила скандал, а он поднял на нее руку. Потом рукоприкладство стало постоянным. Камилла звонила мне, плакала. Я посоветовала ей обратиться к врачу, снять побои. Камилла так и сделала пару раз.

— А в полицию она обращалась? — спросила я. Ковалькова усмехнулась.

— Нет, решила, что тогда Сергей ее бросит, а она этого не хотела. Она ведь влюбилась в него, но уже после свадьбы. Поэтому и ревновала.

— Скажите, Елизавета Валерьевна, — я решила не тянуть и сразу проверить свои подозрения, — вы ведь считаете, что именно Сергей виноват в смерти вашей сестры, и хотите, чтобы я нашла доказательства?

Ковалькова изумленно уставилась на меня, потом покачала головой с какой-то странной усмешкой.

— Нет, у него стопроцентное алиби.

— И какое же? — уточнила я.

— Он умер почти за год до смерти Камиллы.

Я ошеломленно молчала. Молодые супруги уходят в мир иной один за другим в течение года.

— А не могло случиться так, что Камилла после смерти любимого мужа впала в депрессию и...

М. Серова

— Вы считаете, что моя сестра покончи-

ла с собой, потому что не смогла смириться с потерей любимого мужа? — резко перебила меня Ковалькова.

— Но ведь это не исключено.

Ковалькова решительно покачала головой.

— Исключено, — заявила она. — Я вам не все рассказала. Сейчас вы поймете, что самоубийство здесь ни при чем.

Я покорно приготовилась слушать, рассчитывая, что теперь моя собеседница наконец дойдет до сути дела.

— Однажды Сергей не ночевал дома, не отвечал на звонки, а пришел лишь на следующий день, да и то уже поздно вечером. От него сильно пахло спиртным, он еле доплелся до спальни и рухнул на кровать. Камилла и так была на взводе, она ведь переживала, думала, что-то случилось, хотела даже в полицию звонить. Конечно, она вновь закатила скандал, и правильно! Ее можно понять.

Елизавета прервала свой рассказ и посмотрела на меня, словно ожидая одобрения. Я не склонна думать, что закатывать скандал пьяному мужчине продуктивное занятие. Хотя бы до тех пор, пока он не протрезвеет. Тем не менее я коротко кивнула, но лишь с тем, чтобы поторопить собеседницу.

— И тут Сергей внезапно вскочил, — продолжала Ковалькова, — начал кричать на

Камиллу, что она ему надоела и что он давно любит другую девушку и собирается уйти к ней, а Камилла пусть катится куда хочет. Для Камиллы это был настоящий удар, она уже не представляла своей жизни без мужа. Она стала плакать, кричать, умолять Сергея не уходить. Но это его еще больше разъярило, и он...

Тут голос Елизаветы прервался, она всхлипнула и поспешно сделала еще несколько глотков минералки. Немного успокоившись, она продолжила:

— В общем, этот урод опять избил Камиллу, а потом повалил на пол и изнасиловал. После этого он улегся на кровать и захрапел, как будто ничего не произошло. Камилла, пока он не проснулся, поскорее выбралась из квартиры и побежала напрямик в отделение полиции. Она очень боялась, что в следующий раз Сергей ее убьет, как и грозился. В полиции Камилла написала заявление об изнасиловании, медицинское освидетельствование подтвердило ее показания. Сергея арестовали в тот же день и поместили в СИЗО.

— В самом деле? — удивилась я. — По идее-то, должны были банально оштрафовать.

— Почему? — недоверчиво спросила Елизавета, и я объяснила ей, что в России сложилась довольно-таки грустная ситуация

с семейными конфликтами. При первичном обращении, даже если бы Камиллу серьезно избили, домашний насильник отделался бы штрафом. В крайнем случае забрали бы его в отделение на сутки. И только при повторном обращении в полицию в течение того же года, если женщина соберет доказательства, насильника могут задержать. Впрочем, упечь за решетку домашнего садиста так легко не удастся в любом случае. Пострадавшей от действий члена семьи женщине придется собирать веские доказательства, что совсем не просто.

— Действительно? — грустно покачала головой Елизавета и задумалась. После чего предположила: — Знаете, это же не в первый раз произошло. Камилла все же собирала справки о прежних его побоях, возможно, и в полицию обращалась? И Сергея действительно задержали? Я не очень-то разбираюсь в терминологии.

Я отметила себе, что надо будет эти данные проверить, и предложила собеседнице продолжать.

— Сергей, конечно, все отрицал, но улики против него были очень серьезные. К тому же, как я вам и говорила, Камилла предоставила справки о побоях, те, что сохранила после его прежних художеств. Она потом говорила, что хотела их выбросить, но вот ведь

пригодились... Камилла была так напугана, что даже обратилась за консультацией к хорошему юристу. Он, правда, сказал, что дело будет непростое, и доказывать вину Сергея придется долго и нервнотрепно. Но возможно, под угрозой уголовного наказания он будет вести себя спокойнее, и Камилла успеет устроить свою жизнь где-нибудь подальше от Тарасова. Я бы ей обязательно помогла.

— И что же, Сергея все-таки посадили за изнасилование жены? — спросила я.

Елизавета отрицательно покачала головой.

— Нет, не успели.

— А что же случилось? — насторожилась я.

— Он внезапно умер там, в СИЗО, — Ковалькова передернула плечами. — К нему на свидание приходила его любовница, Вероника, кажется. Оказывается, этот подонок не врал и действительно собирался уходить от Камиллы к этой... Она ведь уже и залететь от него успела. А когда его повязали, у нее якобы от стресса случился выкидыш. Это она так заявила, а сама небось сделала по-быстрому аборт. Любовника-то посадили, а одной растить ребенка неохота, вот она все так и обставила. Да еще себя выставила жертвой.

Ковалькова брезгливо сморщилась.

— А Сергей знал, что его пассия была беременна?

Елизавета кивнула:

— Ну да, знал. Она на свидании рассказала ему про выкидыш, а в ту же ночь у него в СИЗО случился обширный инфаркт. Спасти его не смогли и связали его смерть со стрессом. Арест, еще и потеря ребенка невестой так называемой. В общем, из них обоих сделали мучеников, а мою сестру смешали с грязью. Еще и ставили Камилле в упрек, что квартира Сергея досталась ей после его смерти, они ведь не успели официально развестись. А каково было моей сестре, что ей-то пришлось пережить, об этом хоть кто-нибудь подумал?!

Елизавета почти кричала, и собиравшаяся уходить юная парочка с интересом посмотрела в нашу сторону. Ковалькова замолчала и жестом подозвала официанта.

— Кофе, будьте добры, — потребовала она. — И можно коньяка добавить.

Официант понимающе кивнул и отправился выполнять заказ.

— Вы сказали, что вашу сестру смешали с грязью, — осторожно начала я. — А в чем конкретно это выразалось? Ей кто-нибудь угрожал?

— Да не то чтобы угрожал... — Елизавета откинулась на спинку стула и нахмурилась. — Были похороны, на них Камилла, естественно, не пошла, решила, что это будет неэтич-

но. По понятным причинам. Зато была эта... Несостоявшаяся вдова.

— Вероника? — уточнила я.

Ковалькова кивнула:

— Рыдала там как ненормальная. Ну явно напоказ, как в театре. Мне ведь тоже пришлось там быть, я организацию похорон взяла на себя. У Сергея других родственников не было, только Камилла, ну и я, сестра жены. Ну и друзья Сергея пришли какие-то, с работы, наверное. На меня косо посматривали, но вели себя тихо. В общем, похороны прошли гладко, а вот поминки на девять дней — это что-то...

— А что случилось на поминках?

Ковалькова ответила не сразу, видимо, испытывая неловкость.

— Понимаете, я решила, что раз я полностью взяла на себя хлопоты и расходы о похоронах, то на этом моя миссия окончена, — Елизавета посмотрела на меня с некоторым вызовом, но в то же время в ее взгляде читалось смущение. — Поминки устроила Вероника, а Камилла решила туда прийти, хотя я ее и отговаривала. И, как оказалось, правильно делала. Я тоже пошла с ней в то злосчастное кафе на всякий случай. Так вот, едва мы пришли, как это самая Вероника бросилась нам навстречу как разъяренная курица. При чем накинута она именно на Камиллу, меня не трогала. Наверное, признавала мое пра-

во скорбеть, я ведь все расходы на погребение и прочее оплатила. За деньги ко мне проявили лояльность!

Елизавета зло рассмеялась:

— А на Камиллу она просто орала, обзывала ее последними словами, обвиняя в смерти Сергея. Ее послушать, так это Камилла его и убила. А ничего, что он ее изнасиловал, а перед этим измывался над ней столько времени?! Да эта Вероника радоваться должна, что случай избавил ее от такого муженька. Такие, как он, не меняются, уж вы мне поверьте.

— Если Сергей давно издевался над Камиллой, почему она раньше не обратилась в полицию? — поинтересовалась я. Женщина пожала плечами:

— Любила, наверное. Вот и терпела, надеялась, что все наладится.

Ковалькова тщательно размешала ложечкой кофе, который ей только что принесли, и, отпив глоток, задумчиво замолчала.

— Елизавета Валерьевна, — спросила я после недолгого молчания, — я понимаю, что вам очень тяжело об этом говорить, но все же... Как именно погибла ваша сестра? Ведь есть же какие-то детали, которые навели вас на мысль, что Камиллу убили?

— Да, есть, — в голосе Елизаветы звучала решимость. — Камиллу нашли возле дома, ■

под окнами ее квартиры. А в руке она сжимала ромашку, вы понимаете?!

— Ромашку? — удивленно переспросила я, не понимая, каким образом цветок в руке погибшей девушки может указывать на то, что она стала жертвой убийства.

Елизавета несколько раз энергично кивнула, пристально глядя мне в глаза:

— Да! Следствие пришло к выводу, что Камилла сидела на подоконнике, держа в руках цветок, задумалась и потеряла равновесие. Вот такая роковая случайность! — Ковалькова презрительно фыркнула: — К тому же перед смертью Камилла выкурила сигарету, опрокинутая пепельница валялась возле подоконника.

Я представила себе эту картину и пришла к выводу, что версия следствия выглядит логично. Велика вероятность, что именно так все и произошло, а Елизавета Ковалькова попросту себя накручивает. И все же я решила уточнить:

— А что именно заставляет вас думать, что это не так?

— Да Камилла всегда терпеть не могла ромашки и никогда бы не стала вертеть в пальцах этот дурацкий цветок, как это пытались представить следователи!

— Терпеть не могла именно ромашки? — я не смогла удержаться от удивленного возгласа.

— Представьте, да! Именно ромашки! — раздраженно подтвердила Ковалькова. — Это все из-за ее имени. С какого-то там языка оно переводится как ромашка. Ее мама в детстве так называла, и Камилла закатывала из-за этого такие бурные истерики, так что мать пообещала никогда ее так не называть. Ну и потом тоже случилось... Страшно подумать, сколько вокруг нас образованных людей! И буквально каждый второй считал своим долгом сообщить Камилле, что означает ее имя! Ее это буквально доводило до белого каления. Хотя во всем остальном она была пофигисткой. Смешливой, добродушной, немного наивной. Ей и так от жизни досталось, за что было ее убивать?!

Ковалькова выхватила из сумочки салфетку и приложила к глазам, потом схватила чашку и залпом допила кофе.

— Но это еще не все, — многозначительно добавила она. — Когда я пришла в квартиру сестры, чтобы забрать документы Камиллы и подготовить все для похорон, то у нее в спальне на комодке увидела вазу с цветами. С теми самыми ромашками! И было их четыре штуки, представляете? Словно кто-то заранее знал, что Камилла умрет. И стояла эта ваза возле фотографии Камиллы, которую она держала у себя на комодке. Очень нравилась ей эта фотография, Камилла и вправду ■

очень удачно на ней получилась. Красивее, чем в жизни.

Я внимательно выслушала эти странные подробности и была вынуждена признать, что все это выглядело как чья-то дурная шутка. Вот только эта шутка привела к смерти молодой женщины.

— Ну, теперь-то вы видите, что я права и Камиллу действительно убили? — взволнованно спросила Елизавета. Однако я предпочла не спешить с выводами. Прежде чем начать расследование, мне предстояло обговорить с потенциальной клиенткой весьма щекотливый момент, к чему я незамедлительно и приступила.

— Елизавета Валерьевна, вы ведь понимаете, что, несмотря на некоторыестораживающие моменты, очень многое все же говорит в пользу версии официального следствия — ваша сестра стала жертвой собственной беспечности. То есть несчастный случай — наиболее вероятная причина смерти Камиллы.

Елизавета Ковалькова оказалась сообразительной особой.

— Я в любом случае оплачу вашу работу, — заявила она, твердо глядя мне в глаза. — Даже если подтвердится, что это несчастный случай. Но я уверена, что Камиллу убили. ■ Сколько я вам должна?

Я назвала сумму задатка, и Елизавета, осведомившись, привязана ли моя банковская карта к номеру телефона, деловито принялась производить манипуляции на своем смартфоне. Через несколько секунд на мой счет поступила указанная сумма, и я приступила к необходимым расспросам.

— Елизавета Валерьевна, расскажите о круге общения вашей сестры. Вы упомянули, что Камилла работала в парикмахерской?

Ковалькова кивнула:

— Да, это мужская парикмахерская «Ваш стиль». Там она и познакомилась с Сергеем. На свою беду...

— Камилла и после свадьбы продолжала там работать? — уточнила я. — Может, дружила с кем-нибудь из коллег?

— Да, дружила, — Ковалькова почему-то неприязненно поморщилась. — С Ариной, фамилии не знаю. Она тоже стилист в этой цирюльне. Кстати, она была свидетельницей на свадьбе Камиллы.

— Вы можете описать эту Арину? — спросила я.

— Да что там описывать! — на губах Ковальковой появилась презрительная усмешка. — Невзрачная такая, моль серая. Худенькая, маленькая, с короткой стрижкой. Бойкостью, правда, отличалась. В общем, из тех, что в каждой бочке затычка.

— Недолюбливаете вы подругу вашей сестры, — вскользь заметила я. Елизавета пожала плечами:

— А за что мне ее любить? Она же видела, что этот Сергей — урод. И что, не могла отговорить Камиллу? Нет же, страшала Камиллу, что упустит классного парня. Давай, говорит, тащи его в ЗАГС, на свадьбе погуляем. Вот и погуляли...

Что ж, в последовательности госпоже Ковальковой не откажешь. То заявляет, что сначала муж сестры ей понравился, теперь же обвиняет подругу Камиллы в том, что та не отговорила ее от неудачного замужества. Однако озвучивать я свои выводы не стала, лишь мысленно взяла эти подробности на заметку и продолжила расспросы:

— Вы упомянули, что Камилла после ареста мужа обращалась за консультацией к юристу. А вы, случайно, не знаете, к кому именно?

— Прекрасно знаю, — заявила Ковалькова. Это Городишин Борис Павлович, известный адвокат в Тарасове. Может, слышали? Очень дельный, между прочим, и Камилле помог.

Я сдержанно кивнула. Мне приходилось пару раз обращаться к Городишину в связи с предыдущими расследованиями. Ковалькова не зря назвала Бориса Павловича дельным

адвокатом. Гонорары Городишина были не из доступных, но всецело себя оправдывали. Казалось, не было такой передраги, из которой Городишин не смог бы вытащить своего клиента. Несколько удивило меня то, что к нему обратилась Камилла — с ее-то маленькой зарплатой, которой и на съем квартиры не хватало. Зачем она это сделала?

— Вы упомянули, что в квартире вашей сестры появилась какая-то странная инсталляция, — обратилась я к своей клиентке.

Ковалькова непонимающе посмотрела на меня.

— Я имею в виду тот букет ромашек возле фотографии Камиллы, — напомнила я. — Он еще в квартире?

— Ах да, — Елизавета кивнула. — Да, скорее всего, он еще там. Я еще ничего не убирала после смерти сестры, разве что смахнула пыль с мебели и прошла пылесосом по паласу. До сорока дней не принято выбрасывать вещи покойного...

— Вы не могли бы дать мне ключи от квартиры Камиллы? — попросила я. — Мне хотелось бы лично все это увидеть. Возможно, удастся что-нибудь обнаружить.

Ковалькова кивнула и принялась рыться в сумочке.

— Да, у меня есть свои ключи от квартиры, — пояснила она, выудив из сумочки связ-

ку ключей и протягивая ее мне. — Камилла специально для меня их заказала, еще в прошлый мой приезд.

Ковалькова неуверенно посмотрела на меня и, сама того не подозревая, ответила на вопрос, который давно вертелся у меня на языке.

— Я не могу долго находиться в квартире Камиллы, — пояснила она, негромко всхлипнув. — Поэтому сейчас живу у подруги, она приютила меня на несколько дней. Пока... Пока все это не закончится. Но вы можете туда заходить, когда захотите. Если вдруг соседи начнут любопытствовать, пусть звонят мне, я все объясню.

— Спасибо, — я убрала связку в сумочку.

Больше никаких сколько-нибудь значимых подробностей Ковалькова сообщить не смогла и, попросив меня держать ее в курсе расследования, попрощалась и поспешно покинула кафе. Я же, напротив, не торопилась уходить из прохладного зала и, заказав еще кофе, принялась просматривать заметки в своем блокноте, которые делала во время беседы с клиенткой.

Информации было, прямо скажем, негусто. Я позвонила Кире и выяснила, что да, Камилла Шальновская как минимум трижды обращалась в полицию по поводу побоев и издевательств мужа. В первый раз он отделался штрафом, во второй — был задержан

на сутки, а в третий, по пьяни, еще и с полицейскими вел себя агрессивно, потому его и оставили в отделении на пятнадцать суток. До СИЗО, кстати, дело не дошло — Елизавета перепутала, наверное. И он правда умер в отделении. После чего я решила начать с юриста, Городишина Бориса Павловича. Порывшись в смартфоне, я убедилась, что с нашей прошлой встречи Борис Павлович не поменял место своей дислокации, то есть продолжал принимать клиентов в своей адвокатской конторе на одной из центральных улиц Тарасова. Я мысленно прикинула, что от кафе, где я расположилась с таким комфортом, до адвокатского бюро Городишина примерно полчаса хода. Быстрым шагом удастся добраться минут за двадцать. Топать по жаре, конечно, то еще удовольствие, но мысль, что придется возвращаться к себе во двор, чтобы очутиться в нагретом салоне авто, казалась уж и вовсе нестерпимой. Немного поколебавшись, я все же сделала выбор в пользу пешей прогулки и с сожалением покинула свое прибежище.

ГЛАВА 2

— Татьяна, вы ли это?! — Борис Павлович громогласно приветствовал меня на пороге своего кабинета. На лице солидного адвоката читалось радостное изумление, сме-

шанное с жадным любопытством. Причем последняя эмоция явно превалировала.

Высокий и довольно плотный, но не тучный мужчина средних лет, Городишин являл собой образчик так называемого успешного человека. Один из лучших юристов в городе, Борис Павлович зарекомендовал себя как адвокат по уголовным делам, способный вытащить, казалось бы, самого безнадежного клиента. О величине его гонораров, причем даже за краткую консультацию, говорилось шепотом. Однако я вполне могла рассчитывать и на продолжительную беседу с прославленным адвокатом, не потратив при этом ни копейки. Объяснялось подобное бескорыстие довольно просто — Городишину не раз случалось обращаться ко мне по поводу нюансов дела, если его клиент оказывался по совместительству фигурантом моего расследования. Моя помощь порой оказывалась весьма значимой, что позволяло Борису Павловичу в который раз оправдывать свои заоблачные гонорары.

— Прошу, прошу! — Городишин широким жестом пригласил меня в свою обитель, и я с огромным удовольствием опустила в уютное кожаное кресло, вновь очутившись в просторном помещении, где превосходная сплит-система обеспечивала превосходный

■ комфорт.

— Горячих напитков не предлагаю, горячительных — тем более, — ворковал между тем Борис Павлович своим глубоким бархатным баритоном. — А вот от настоящей минеральной воды вы, надеюсь, не откажетесь.

Что ж, после Ковальковой настала моя очередь восстанавливать водно-солевой баланс. Минералка не относилась к моим любимым напиткам, но, сделав несколько глотков из высокого бокала матового стекла, я с благодарностью улыбнулась хозяину кабинета. Прохладный напиток с удивительно приятным вкусом подействовал освежающе, что сейчас было весьма кстати. Борис Павлович ответил самодовольной улыбкой.

— Я в этом знаю толк, — добродушно хохотнул он и тотчас принял деловитый вид: — Ну-с, чем могу помочь?

— Борис Павлович, вы помните некую Камиллу Шальновскую? Она еще обращалась к вам за консультацией около года назад, хотела узнать, каковы ее шансы упрятать за решетку мужа-насильника?

— Хм... — Городишин озабоченно нахмурился и принялся щелкать по клавишам ноутбука. — Имя вроде знакомое, но все же год прошел. Сейчас посмотрим... Ага, вот. Шальновская Камилла Дмитриевна.

Городишин внезапно оживился и всем корпусом обернулся ко мне:

— Да, я вспомнил эту особу. Запомнил, потому что она отсчитала сумму за консультацию наличными трясущимися руками. Да, буквально тряслась от страха, без преувеличения. Сознаюсь, на меня она произвела не очень приятное впечатление, хотя мне было ее жаль.

— Жаль? — переспросила я. Городишин кивнул:

— Очень уж боялась она своего муженька и пыталась выяснить, каковы его шансы остаться на свободе. Что ж, ее опасения были вполне понятны, вы ведь знаете, что дела об изнасиловании одни из самых неоднозначных.

Я кивнула.

— Но в данном случае переживания моей клиентки оказались абсолютно беспочвенными, — заявил Городишин. — Со слов гражданки Шальновской, я уяснил, что улики против ее горе-муженька были серьезными, результаты экспертизы полностью подтверждали, что молодая женщина подверглась сексуальному насилию. Кроме того, эта самая Камилла поступила весьма предусмотрительно, сохранив результаты медицинских экспертиз. То есть, попросту говоря, после каждого избиения она обращалась в травмпункт, чтобы зафиксировать побои. В полицию тоже обращалась, — добавил он то, что я

уже успела выяснить у Кирьянова. — Я имею в виду — по факту причинения легкого вреда здоровью. Хотя и боялась, что мужа это лишь еще больше разъярит. Ну а после этой гнусной истории с изнасилованием эти свидетельства очень даже пригодились. Своего рода отягчающее обстоятельство. Конечно, дело небыстрое, но девушка была готова ко всему, лишь бы засадить муженька за решетку. А почему вас заинтересовала эта давняя история? Появились новые обстоятельства?

— Появились, — вздохнула я. — На днях Камилла погибла.

Брови моего собеседника изумленно изогнулись.

— Погибла? — недоуменно переспросил он. — То есть ее убили? Вы ведь занимаетесь криминальными расследованиями...

Городишин с нескрываемым любопытством взглянул на меня и проговорил:

— Значит, сбылись худшие опасения Камиллы Шальновской? Рискну предположить, ее муж вышел из заключения по УДО и первым делом решил разобраться со сдавшей его женой.

Я покачала головой:

— Нет, до заключения дело не дошло. Сергей Шальновский скоростижно скончался еще до суда.

— Вот как... — задумчиво протянул Городишин. — А кто же тогда расправился с юной прелестницей? Вы кого-то подозреваете?

— Я даже не уверена, что с ней, как вы выразились, действительно кто-то расправился, — откровенно призналась я и вкратце рассказала Борису Павловичу известные мне детали гибели Камиллы.

— М-да, — скептически произнес Городишин, когда я закончила, — ровно поровну аргументов как в пользу убийства, так и несчастного случая. Возможно, депрессия из-за того, как повел себя муж. А может быть, и скрытое чувство вины — сами понимаете, Татьяна Александровна, женщины — создания нежные и ранимые. Отправила мужа за решетку, он там умер, а Камилла подумала, что из-за нее. Хотя... пожалуй, все-таки суицид мы с вами можем осторожненько исключить.

— Почему? — заинтересовалась я, поскольку доводы с чувством вины и возможной депрессией казались мне вполне логичными.

— Камилла Шальновская была натурой устойчивой в психическом плане, более чем. Барышни подобного типа, судя по моему опыту, скорее виновника негативных эмоций прикончат, нежели себя. Она себя любила искренне и безусловно.

— Пойдите, а как же тогда объяснить то, что она не ушла от мужа при первых признаках агрессивного поведения? — Городишин и впрямь мужик опытный, адвокат отличный и в людях разбирается, так что я могла ему верить. Но все же...

— Ой, Татьяна Александровна! Мало ли объяснений можно отыскать? Возможно, материальный вопрос сказался. Шальновская сама по себе — парикмахерша, заработки не сказать чтобы большие. А муж у нее все-таки состоятельный... был. И она вполне могла надеяться, что все утрясется постепенно — и терпеть, не желая расставаться с обеспеченной жизнью. Может быть, кстати, и чувства, и много разных факторов.

— То есть вы полагаете, что она не самоубийца?

— Полагаю, что так, с высокой долей вероятности. В непростое дело вы ввязались, Татьяна Александровна. Даже не знаю, что вам посоветовать...

Борис Павлович сочувственно посмотрел на меня и тут его взгляд оживился.

— Да! — почти вскричал он. — Ведь у истории с этим Шальновским было продолжение!

Его холеные пальцы вновь забегали по клавиатуре, и через пару минут Городишин довольно кивнул: